

БУДЬ ГЕРОЕМ

ДЕТГИЗ

Б 903

БУДЬ ГЕРОЕМ!

Рассказы и стихи

Рисунки.

А. БРЕЯ

НАРКОМПРОС РСФСР
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1942

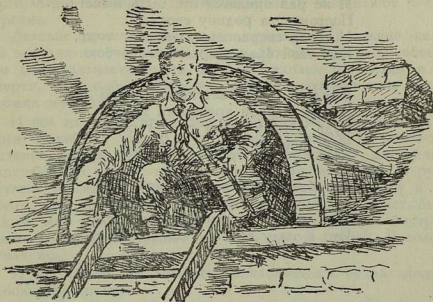
227/8

1987-88 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

681406 Кх-редк

Российская государственная
детская библиотека

В. Осеева

ПИОНЕРАМ

Пионер! Ты носишь галстук красный,
Ты присягу помнишь и во сне.
Ты себе представить должен ясно,
Что в тылу сейчас, как на войне.

Ты читаешь каждый день в газете
О великих подвигах бойцов.
Ждет страна, что пионеры-дети
Будут все похожи на отцов.

И не раз придется им, быть может,
Постоять за родину свою,
И тогда свершишь ты подвиг тоже,
Как твой брат свершил его в бою.

Каждый час встает перед тобою
Беспредельной храбрости пример.
Будь и ты у нас в тылу героем,
Если носишь званье—пионер!

У тебя на шее галстук красный,
Ты присягу помнишь и во сне.
Ты себе представить должен ясно,
Что в тылу сейчас, как на войне.

Ванда Василевская

МАЛЬЧИК

Безразлично, какую фамилию носил этот двенадцатилетний мальчик, как его звали. Таких, как он, появляется теперь много. Я пишу именно о нем, потому что как раз его историю, простую и потрясающую, рассказал мне очевидец.

Уже гудят по дороге немецкие танки. Вот-вот покажутся у околицы стальные каски. Старая украинская деревня, которая хорошо помнит борьбу с немцами двадцать с лишком лет назад. Поблизости лес — можно углубиться в зеленую чащу, притаиться, нападать издали на вражеские части.

Все мужчины уходят в лес. На лошадей — и айда! На дороге пыль. И в облаке пыли бежит за верховыми двена-

дцатилетний мальчик. Партизаны уходят, оставляют его в деревне.

Детские руки хватаются за стремяна, дрожащие пальцы вцепляются в конские гривы. Но как взять с собой в лес двенадцатилетнего на долю и недолю, на жизнь и на смерть, на борьбу, в которой нужны силы мужчины и поддержка мужчины?

И все же жаль этого мальчика, который, обливаясь слезами, бежит за лошадьё, отчаянно цепляясь за стремяна. Детское сердце ранено до дна: не признали достойным партизанских рядов, не признали достойным взять в руки оружие. А он чувствует, всей душой чувствует, что и он может так же. Так же, как и другие. И он хочет быть таким же, как и другие. Лошади бегут все быстрее. Босые ноги не успевают по пыленной дороге. В голосе отчаяние.

И вот кто-то, сжалившись, наклоняется с седла, подает небольшой предмет.

— На-ка гранату. Сиди в деревне, если что — дашь знать. Замечай, что и как. А если понадобится, лупи гранатой.

Слезы моментально обсыхают. Детские руки обхватывают холодный металл гранаты. Да, теперь все в порядке. Граната. Как у партизан. И поручение, как взрослому человеку.

Граната спрятана за пазуху. Двенадцатилетний мальчик идет, возвращается в деревню. Как поручено — примечает. Никто не обращает внимания на ребенка. Немцы еще не осмотрелись в деревне, еще осторожно задержались на окраине.

Мальчик примечает. В избе у дороги — штаб. Суетятся немецкие офицеры. Часовые у дверей. За пазухой прикосновение металла. Маленькая рука осторожно проверяет. Нет, граната никуда не девалась, она тут, за пазухой. А в избе на окраине деревни — немецкий штаб, немецкие офицеры.

Прежде чем они начнут грабить деревню, прежде чем начнут жечь избы, убивать детей и женщин, прежде чем разразится ад, о котором малыш хорошо знает, — прямо-прямо в ту избу. Его голос не дрогнет, глаза не моргнут, когда его резким голосом окликнет часовой. Он жестами покажет, что у него есть сообщение для штаба. Что ему непременно надо войти.

В дверь выглядывает офицер. На ломаном украинском языке спрашивает: „В чем дело?“ Голос мальчика не дрожит. Он смотрит прямо в глаза офицеру. Так и так, он хочет сообщить, где скрываются партизаны.

Его ведут в избу. Там за столом сидят шестеро тех. Склонившись над картой, они трещат по-своему между собой. Глаза от карты поднимаются на вошедшего.

Так и так, мальчик подсчитывает, замечает. Шестеро. Эполеты, знаки различия. Нет никаких сомнений — высшее офицерство.

За пазухой холодное прикосновение гранаты. Холодно смотрят детские глаза. Считают, рассчитывают. Как и куда надо пойти. Как надо сделать, чтобы удалось. Он отвечает спокойно, рассудительно. Так, мол, и так. Ушли из деревни партизанить. Все до одного.

Жесткие голоса нетерпеливо расспрашивают. Мальчик медленно, спокойно отвечает. Рассказывает целую историю. По-крестьянски, не торопясь, подробно. Чтобы было время рассчитать. Чтобы успокоить этих за столом, если они случайно что-нибудь заподозрят.

Наконец самый главный, он сидит посередине, машет рукой. Довольно. Он уже все знает — что ушли и как ушли. Осталось узнать одно: где они?

Переводчик повторяет мальчику вопрос:

— Где партизаны?

Мальчик делает шаг вперед. Вот он уже у стола. Лицом к лицу с шестерыми. Спокойным, недетским голосом он говорит прямо в лицо шестерым офицерам:

— Партизаны везде!

И молниеносным движением выхватывает из-за пазухи гранату. Молниеносным движением в тех за столом. Прежде чем они успели вскочить, прежде чем успели крикнуть, понять, что происходит, приходит смерть.

И с ними двенадцатилетний мальчик. Один на шестерых. Его детское личико застывает в жестокие, суровые черты взрослого человека. На мертвом лбу — величие героя.

Его не схоронит никакая могила, его не засыплет родимая земля. Детское тело обратится в золотое пламя в сожженной хате. Золотым пламенем загорится над украинской деревней пламенное отроческое сердце.

И потому безразлично, как была его фамилия, каким именем звала его мать, когда он бегал по полю. Он один из сотен — этот порыв детского сердца, мужество ребенка, который знает, понимает и умеет любить так же горячо, как взрослый человек. И умеет погибнуть так же прекрасно, как взрослый человек.

А. Барто

РОДНАЯ УЛИЦА

Я на этой улице
Живу тринадцать лет.
Такой хорошей улицы
Нигде на свете нет!

Мне тут знакомы все дома,
Деревья и дворы.
Вот здесь, когда была зима,
Катались мы с горы.

Здесь у меня мильон друзей:
Все мое звено!
Вместе ходим мы в музей,
На стадион, в кино.

Я на этой улице
Живу тринадцать лет.
Такой хорошей улицы
Нигде на свете нет!

Здесь я встретил Чкалова.
Я подбежал к нему,
Сразу я узнал его,
Не знаю почему.

Мы рядом шли по улице,
И все смотрели вслед.
Такой хорошей улицы
Нигде на свете нет!

Летит над нашим городом
Фашистский самолет.
Он шарит черным вороном,
В дома с размаху бьет.

Проклятый ворон кружится...
Но в этот грозный час
Чкаловское мужество
Не покидает нас.

В ночную темень спрятанный,
Молчит притихший дом.

На крыше мы с ребятами,
Я на посту своем.

Я защищаю улицу,
Где столько лет живу,
Свою родную улицу,
Любимую Москву.

С. Гарбузов

РАЗВЕДЧИКИ

Капитан Сергеев стоял на опушке леса, прислонившись к высокому развесистому клену. В руках у него был бинокль, и он внимательно оглядывал высоту, что лежала впереди него за рекой. В оперативных приказах и донесениях эта высота называлась Безымянной, и сегодня к вечеру подразделение, которым командовал Сергеев, должно было во что бы то ни стало эту высоту взять. Отсюда, с опушки, и извилистая река, и высота Безымянная, и деревья за ней видны были, как на ладони. Белые, желтые, черные клубы дыма покрывали склон: вражеская артиллерия и минометы пытались помочь своей пехоте. Справа, там, где на самодельных плотиках и щитах переправлялась через реку пехота, разрывали воздух пулеметные очереди. Откуда-то издадека, из-за соседнего леса, ухали гаубицы.

Сергеев смотрел в бинокль и чертыхался. Фуражка его с черным артиллерийским околышем была сдвинута на затылок.

„Откуда он, чорт, бьет?“ задавал сам себе вопрос капитан. „Он“ — этот миномет противника — беспокоил капитана вот уже минут сорок. Все другие огневые точки врага были уже вскрыты, по ним вели огонь наши батареи, а этот

миномет фашисты так искусно запрятали, что даже капитан Сергеев, о чутье которого в части рассказывали легенды, не мог его обнаружить. Вокруг наблюдательного пункта в кустах сидели часовые. Связисты в блиндажах твердили свое неизменное: „Ростов, Ростов, говорит Саратов“. Капитан отошел от клена и подозвал к себе разведчика.

— А ну, залезайте на дерево,—сказал он.

В этот момент один из часовых насторожился и крикнул кому-то в кусты:

— Стой, куда идете?

— К вам,—раздался звонкий детский голос.

— Куда к нам?—недоумевая, спросил часовой.

— К начальнику.

Ребята подошли ближе.

— А что вам нужно от начальника?—спросил часовой.

— А мы хотели рассказать...

Тут разговор услышал капитан Сергеев.

— Пропусти их, Герасимов,—сказал он.—Подойдите сюда, ребята. Что хотите сказать?

Мальчики повеселели.

— Дяденька капитан, мы из Селезневки, у нас там немцы...

— Как же вы прошли?

— А мы у мельницы, вон там, видите, лошinka?..

— Так, так...—Капитан посмотрел на ребят.—Лет-то сколько вам?

— Мне двенадцать,—сказал старший,—а ему вот десяти.

— Итого, значит, двадцать два? Возраст вполне призывной! Ну что же, рассказывайте, что там у вас в Селезневке.

Добровольцы-разведчики рассказывали весьма невнятно и невразумительно. Да, у немцев стоят три пушки: одна в лесу, другая рядышком в роще, а третью они подкатали к гумну. Но вот где гумно, где этот лесок и что за роща, этого-то ребята и не могли объяснить.

Капитан подумал, потом подвел ребят к опушке, снял с шеи бинокль и дал старшему.

— На вот, посмотри на свою Селезневку.

Мальчик поднес бинокль к глазам и вскрикнул от удивления:

— Ой, как близко!

— Ну вот. Теперь рассказывай, где пушки стоят. Все видишь?

— Вижу, вижу! Вон, вон лесок. Видите, где школа? Школа белая, а от нее лесок левее.

— Дай и мне, — попросил маленький.

Получив бинокль, он несколько секунд смотрел, не говоря ни слова, а потом заявил:

— А вон в ту хату немцы пушку тащили, маленькую, толстую такую, без колес.

— Что ты говоришь? — насторожился капитан. — Без колес, говоришь, маленькая, толстая? В какую хату?

— Вон, видите, вон в ту новую, она еще без крыши.

— Без крыши, говоришь? Так...

Капитан задумался. Дом без крыши, маленькая толстая пушка... Ишь что придумали! Так вот где проклятый миномет, который он ищет уже час!

— А ну, Грицаенко, передай артиллеристам: ориентир шесть ноль-ноль четыре вправо, два снаряда!

Бесстрастным голосом связист передал приказ на огневые позиции. Два снаряда один за другим полетели и легли чуть левее домика, на который указывали ребята.

— Передай: ноль один вправо! — скомандовал капитан. — Беглым, огонь!

Около самого домика взметнулись огни разрыва.

Миномет больше не стрелял. На переправе оживились наши пехотинцы: они быстро выскакивали на противоположный берег, тут же окапывались и открывали огонь по фашистам.

Так началась боевая деятельность двух маленьких

разведчиков, которые с того дня и остались в отряде капитана Сергеева. Назовем их Валя и Гриша.

Ребята прекрасно знали каждую тропинку в этих местах. Капитан часто советовался с ними. Вот и сейчас они сидят в лесу у большого стола. Откуда попал в лес этот стол, так никто и не знает. Вероятно, его оставила какая-то другая часть, ранее здесь сражавшаяся. С правого края стола две дыры — это следы осколков.

Сидит капитан Сергеев и напротив него юные разведчики. Он обдумывает план ночной операции. Приказ командования был краток: достать и привести в штаб „языка“. Немцы снимали с этого участка потрепанные части и заменяли их новыми. Нужно было во что бы то ни стало узнать, откуда эти новые части прибыли. Капитан смотрит на карту и мысленно представляет себе местность, по которой разведчики пойдут на охоту за „языком“. Время от времени он обращается к ребятам:

— Вон там, у мельницы, балку знаете?

— Это какая? — спрашивает Валя. — Которая к торфопромыслам?

— Она самая. Так эта балка, она выходит к чьему дому в селе-то?

— К Ипатьевскому, — вмешался в разговор Гриша.

— У них дома есть кто?

— Нет, все ушли. Дом забит.

— А в сарай пройти можно?

— Можно.

— Так, так... А из того сарая в соседний двор можно пройти?

— Там дыра в сарае еще давно проломана. С Ипатьевскими ребятами мы там играли.

— Вот что, ребята... — Капитан посмотрел на них строго и решительно. — Дело к вам есть, большое дело. Справитесь — молодцами будете. Нужно привести к нам сюда живого немца. Так поймать его надо, чтобы другие не услышали. Проберитесь-ка к себе в Селезневку, тихонько прой-

дите по улице, далеко не заходите, высмотрите, где часовые стоят и где немец один стоит или вдвоем, и потом приведите к этому дому наших разведчиков. Поняли?

— Поняли, — в один голос сказали мальчики.

— Не струсите?

Ребята ничего не ответили.

— Ну это я пошутил, — сказал Сергеев. — Знаю, что не струсите... Не хотелось вас посылать, да вот надо.

Когда стемнело, бойцы вывели ребятшек за линию наших караулов. Они шли боковой, чуть заметной тропинкой. У старого, сгнившего моста, от которого остались лишь сваи, перебрались на другую сторону речушки и спустились в балку. Балка привела их к дому Ипатьева. Кругом было тихо, на улице никого не было. Ребята вышли из ворот и пошли по селу. Из-за ставен соседнего дома вырывались тонкие лучи света. Ребята подошли к дверям и слышали чужую, незнакомую речь и звон посуды.

— Ужинают, — сказал Валя.

— Да-а-а, — подтвердил Гриша.

— Тут их много...

— Ну да, много, — согласился Гриша.

— Пойдем в другое место.

— Пойдем.

Ребята пошли дальше по улице.

У школы они остановились.

Что такое? Весь двор был белый, как зимой.

Гриша нагнулся и поднял несколько клочков бумаги. Это было все, что осталось от школьных учебников и ученических тетрадей. Немцы разорвали их и выбросили на двор.

Видно, и та правда, что напечатана в наших учебниках, и те слова, что написаны в школьных тетрадках, страшили фашистов.

Ребята пошли дальше. Не сделали они и пяти шагов, как Валя больно стиснул Гришину руку. Впереди, на картофельном поле, что-то шевелилось.

— Часовой. И один. Вот здорово!

Валя потянул Гришу за руку, и они тихо, чуть слышно ступая, стали отходить назад.

Минут через пятнадцать они уже были на противоположном конце ложины, там, где ожидали их разведчики.

А еще через час капитан Сергеев допрашивал взятого в плен немца. По документам и письмам, отобранным у солдата, было установлено, какая часть расположилась в Селезневке и откуда она прибыла. Пришлось и пленному развязать язык. Он рассказал о противотанковых пушках, спрятанных в лесу, и о складе боеприпасов.

Пленного увели в штаб.

Капитан Сергеев поставил на стол большую миску с горячими щами и тарелку соленых огурцов.

— Ну вот, кушайте, — сказал он ребятам, — а потом спать.

Уже светало, когда ребяташки, прижавшись друг к другу, крепко уснули под кустом на мягком мху. Они не проснулись даже, когда вновь заухали наши гаубицы, и не видели, как в роще за школьным двором, усеянным обрывками учебников и тетрадей, вспыхнуло зарево. Кругом разносился гул. Это горел подожженный нашей артиллерией немецкий склад боеприпасов.

Н. Раковская

УЩЕЛЬЕ ХОРВАТА

Это случилось в маленькой горной деревушке, в глубине оккупированной Гитлером Югославии.

Горная деревушка называлась Горячие Ключи.

На околице деревни стоял, заслонив ладонью глаза от заходившего солнца, рослый худощавый мальчик — Хорват.

Он держал под уздцы лошадь и глядел, как по широкой дороге туда, в горы, уходили женщины и дети. Женщины постарше ехали на повозках со скарбом, молодые девушки гнали овец, свиней, вели коров... Жители Горячих Ключей уходили в горы. Вел их отец Хорвата — партизан Бойвич. „Мы спрячем от фашистов наш скот и зерно. По ночам мы будем нападать на их отряды... Мы будем бить их! И поможем нашим братьям русским поскорее победить“, говорил партизан Бойвич.

Хорват глядел вслед уходившим. Он видел оранжевый платок на голове матери. Мать ехала на повозке с двумя маленькими сестренками. Она с тревогой оборачивалась назад и все махала рукой Хорвату.

Во всей деревушке оставался один тринадцатилетний Хорват. Хорвата оставил отец. Он сказал ему:

— Через два-три часа сюда подойдут наши крестьяне из других деревень. Проводишь их к нам в горы.

Хорват стоял у околицы до тех пор, пока последняя повозка не скрылась за поворотом. Опустели зеленые сады. Домики стояли с заколоченными окнами... Кругом тишина. Но Хорват знал, что ждать недолго, через час — другой по широкой плотине через реку переправятся жители соседних деревень. А потом партизаны взорвут плотину. Будет громкий взрыв. Гул прокатится по горам, разнесется далеко-далеко. Река забурлит и затопит узкую долину...

Хорват не заметил, как солнце, коснувшись вершины утеса, стало опускаться за горы; оно словно тонуло в золоте неба. Мальчик обернулся, лошадь тянула его во двор. И Хорват вспомнил: он не поил коня. За домом стоит последний, незасыпанный колодезь. Но и этот колодезь отец велел засыпать, когда все уйдут отсюда. Хорват опустил ведро, напоил лошадь, напился сам. Вкусная студеная вода! Тут же копна скошенной травы. Хорват садится на копну. Лошадь щиплет траву. А мальчик все всматривается. Дорога ведет к плотине. Вот-вот покажутся люди...

Но как быстро темнеет! Растет тень от горы. Стоило

Хорвату сесть, и он чувствует, что очень устал. Страшно устал!

Становится все темнее. Какая тишина кругом! Даже птицы перестали петь. И почему они не идут? Где они? Отец говорил, они придут через час—другой. Оттуда приезжали два парня. Крестьяне уже вышли из деревень. Хорвату очень хочется есть. Что, если они не придут до утра?..

Лошадь стоит с закрытыми глазами. Она спит и во сне прядет ушами. Может быть, они заблудились? Может быть, крикнуть? В тишине далеко-далеко разнесется эхо... А вдруг, вдруг... Как страшно одному тут! Может быть, ускокать в горы, а утром вернуться? Нет, отец сказал, что Хорват должен дожидаться крестьян.

Теперь мальчику кажется, что шорохи ползут по горам. Сколько раз уже Хорвату приходилось вглядываться в темноту, красться ночью черным полем, ждать в горах отца... Но так страшно ему еще никогда не было. Но это все пройдет. Пройдет и эта ночь... Когда фашистов прогонят, победят, в городе на площади соберутся, наверно, партизаны. С ними будет и Хорват. Может быть, дадут держать знамя? И Хорвату становится уже не страшно, а радостно. Ему кажется, что он не один. Вокруг него друзья, на небе яркое солнце... Хорват спит...

Он просыпается от грохота. Грохот наполняет все кругом — долину, горы. Хорват вскакивает на ноги. Он видит на лугу много-много мотоциклеток. На мотоциклетках солдаты в шлемах. Кто-то кричит на ломаном сербском языке:

— Я знаю, ты сын Бойвича! Сын партизана! Ответчай...

Хорват видит перед собой немецкого офицера с нашивками на рукавах, с медалями на груди.

Он молча смотрит на офицера. А где же крестьяне? Значит, фашисты отрезали соседние деревни, прорвались... Хорват окружен врагами. Что они сделают с ним?

— Показывай, куда ушли! Где отряд? На лошадь Скорей!

Солдат подводит лошадь. Офицер кричит что-то по немецки. Он подносит к голове Хорвата револьвер. Хорвата силой сажают на лошадь. Трещат мотоциклетки.

Хорват на лошади и за ним солдаты на мотоциклетках выехали из деревушки.

Впереди идут две дороги. Одна — узкая — та, по которой увел крестьян Бойвич. Другая — широкая — подымается в гору, туда, где высится старая крепость.

„Куда вести их? — думает Хорват. — Они расстреляют из пулеметов всех... и отца, и мать, и сестренку... всех...“

И он поворачивает на широкую дорогу. Туда, к старой крепости. Хорват ощущает прилив какой-то большой и суровой силы. Он хорошо знает эту крепость. Ее называют „Крепостью смерти“. Почему? Возле замка гора отвесно обрывается — там пропасть. Нужно разогнать лошадь... Пусть они думают, что Хорват хочет ускакать. И Хорват стегает лошадь. Солдаты кричат и гонят вперед машины. Они и вправду думают, что мальчик хочет умчаться от них.

Осталось десять метров ровного пути: мальчик еще раз ударяет лошадь. Еще секунда... и на всем скаку лошадь Хорвата первой срывается вниз. За ней в пропасть летят сто двадцать мотоциклеток с вооруженными немецкими солдатами.

...Маленький партизан Хорват! Когда война кончится и мы уничтожим фашистов, мы разыщем тот утес, откуда ты отважно ринулся вниз, увлекая за собой врагов. Мы найдем это ущелье и назовем его твоим именем.

Товарищ Сталин говорил со всеми нами,
Его слова звучали всей стране,
Он любит нас, он назвал нас друзьями,
Он нас зовет идти на бой с врагами,
Бойцами быть в тылу, как на войне.

Мать на завод пришла на смену сыну,
На место сына встал старик-шахтер,
По рельсам жены поведут машину,
На поле выйдет армия сестер.

Быть на посту и вы должны, ребята.
Когда в одно сплотила всех война,
Любому малышу ты будешь старшим братом,
Любому малышу сестрой ты быть должна.

Еще тесней свяжитесь крепкой дружбой,
На помощь взрослым позовут и вас,
И если скажут: „Это сделать нужно“, —
Всё выполни, как боевой приказ.

ШУРОЧКА

Эту девочку звали Шура. Она жила в деревянном домике на большом московском дворе. Все называли ее Шуручкой, потому что она была маленькая и хорошенькая и всем очень нравилось называть ее так. А ей самой это вовсе не нравилось. Ей хотелось быть большой, сильной и смелой.

Однажды Шурочка сидела на своем крылечке. Было воскресенье. Высунувшись в окна, о чем-то горячо спорили две соседки. Кто-то громко играл гаммы, сбивался и начинал снова... И еще где-то ворковали голуби. Вдруг стало тихо, как перед грозой, потом заговорило радио, и весь двор, и вся Москва, и весь мир узнали о том, что фашисты напали на Советский Союз.

Началась настоящая война, и Шурочке стало очень страшно, и она завидовала мальчишкам, которые ничего не боялись и сразу стали героями. По вечерам, когда у них на дворе и во всем городе становилось темно, мальчишки дежурили у подъездов вместе со взрослыми. Они обходили дворы, лазили по чердакам и по крышам, а если в каком-нибудь окне появлялся свет, они поднимали страшный шум и кричали:

— Эй, во флигеле, в девятнадцатой квартире, гасите свет, свет!

И их слушались, и свет сразу гас.

А Шурочка сидела дома. Началась настоящая война, и по вечерам мама вовсе не пускала Шурочку из дома и, только когда объявляли тревогу, за ручку, как маленькую, водила в убежище, в подвал шестиэтажного корпуса. В убежище всегда хотелось спать. Там горели синие лампы и старухи громким шопотом обсуждали военные новости. Это было очень скучно — сидеть в подвале и слушать, как шепчутся старухи, и ждать, пока радио скажет: „Отбой“.

А потом все расходились по домам, спотыкаясь на темных лестницах, и говорили, что тревога, наверно, опять учебная. Но все-таки было очень страшно, когда гудки и сирены протяжно выли и радио строгим голосом повторяло: „Граждане, воздушная тревога... Воздушная тревога...“ И мама начинала торопиться и в темноте никак не могла найти туфли, или кофту, или еще что-нибудь.

Но потом все привыкли к тревогам, мама стала ставить туфли всегда на одно место и больше ничего не искала.

И такие слова, как „бомба“, „тревога“, „налет“, от которых прежде у Шурочки падало сердце и холодили руки, теперь ее не пугали, и даже самое слово война стало привычным.

И когда Шурочке исполнилось одиннадцать лет, она гораздо больше думала не о войне, которая шла уже почти месяц, а о том, что мама подарит ей на рождение.

А мама подарила ей новую очень красивую юбку, всю в складочках, из какой-то легкой-легкой материи. Такой материи Шурочка никогда еще не видела.

— Вот, Шурочка, береги ее, — сказала мама. — Сейчас война, и я не знаю, когда ты получишь новую, и, пожалуйста, не бегай в ней по двору, а то разорвешь, как ту, об гвоздь.

Шурочке было не особенно приятно слушать это, но сама юбка была замечательная, и Шурочка расцеловала маму, а когда мама ушла, Шурочка целый час вертелась перед зеркалом. Ей как-никак исполнилось одиннадцать лет, и она прекрасно понимала, что новая юбка к ней очень идет.

Только носить ее совсем не приходилось, потому что мама была очень занята, они никуда не ходили, а бегать по двору с мальчишками в новой юбке Шурочка и сама не хотела.

А война шла. Шли упорные, тяжелые бои на всем фронте от Ледовитого океана до Черного моря, но это было где-то очень-очень далеко, а в Москве было тихо, и даже тревог в последние дни не стало, и все привыкли к этому. Одна мама не могла успокоиться, и когда однажды она должна была остаться на ночь дежурить на работе, она, уходя, велела Шурочке, если будет тревога, сразу идти в убежище.

— Ну что ты, мамочка, никакой тревоги не будет, и, пожалуйста, не беспокойся... Я не маленькая, мне уже одиннадцать лет, — сказала Шурочка.

А вечером она надела новую юбку, взяла книжку и вышла во двор почитать. Она села на лавочку, и ей казалось,

что все смотрят на ее новую юбку. Потом она встала, но стоять просто так в новой юбке было очень глупо, и она подошла к стене, где висели приказы по городу Москве и разные военные плакаты. Шурочка прочла все приказы и все плакаты, потом прочла еще раз, а когда стало смеркаться, пошла домой и решила лечь спать. Она аккуратно, сложила юбку и повесила на спинку стула, потом разделась, разобрала постель и сразу заснула.

А когда тревожные гудки пронеслись над городом, Шурочка проснулась, и ей показалось, что она даже не успела закрыть глаза. Она вскочила и в темноте стала одеваться. Она сразу нашла все, что нужно, и оделась очень быстро но когда дело дошло до юбки, она растерялась. Итти в убежище в новой юбке она не хотела, а старая висела в шкафу, а шкаф был заперт на ключ, а ключ она положила куда-то и никак не могла вспомнить куда. Она шарила руками на пианино, на комод, на столике. В темноте она зацепила мамин одеколон, флакон упал на пол, разбился, и вся комната наполнилась сильным приятным запахом. Но Шурочке было не до того. У нее дрожали губы, и она готова была заплакать. Уже перестали выть тревожные гудки и радио замолчало на дворе, а она все шарила и шарила в темноте и все не могла найти этот противный ключ.

Вдруг где-то далеко хлопнуло, как будто открыли огромную бутылку. Потом хлопнуло еще раз, потом ухнуло так, что их маленький домик подпрыгнул от страха, а потом где-то совсем близко, как трещотка, затарахтел пулемет. Так еще никогда не было, и Шурочка очень испугалась, и когда все стихло и стало слышно, как по лестницам и по двору бегут к шестиэтажному корпусу люди, она тоже бросилась к двери, но вспомнила, что на ней нет юбки, и вернулась. Она опять стала шарить на комод и на столе, но тут снова совсем рядом застрочил пулемет, и Шурочка схватила новую юбку...

Когда она выбежала во двор, опять стало тихо. Только в конце двора, у входа в убежище, неясным клубком толпи-

лись люди. У подъезда Шурочку окликнул Витька — он всегда был командиром, когда играли в войну.

— Футы-нуты, барыня, — сказал он, — нарядилась, надушилась. Копаются по два часа, а потом за них ответчай!

Шурочке стало очень стыдно, и она хотела объяснить, как это получилось с новой юбкой и с одеколоном.

— Витя, — сказала она, — ты послушай, что я скажу...

Но сказать она ничего не успела, потому что в это время прожектор прорезал темноту прямо над их двором и в тугом снопе голубого света сверкнули белесые крылья и длинное брюхо вражеского самолета. Тогда другие прожекторы метнулись сюда, и пойманный самолет засветился в голубых лучах.

Все его видели, и все кричали:

— Самолет! Самолет! Вон он! — и показывали друг другу, и Шурочка тоже кричала и показывала.

А потом точно большие желтые звезды стали вспыхивать вокруг самолета, и где-то бухали и грохотали пушки, и пулемет захлебывался на соседнем доме, посылая в небо разноцветные огненные мячики трассирующих пуль.

Потом самолет заметался, ринулся вниз, пушки замолчали на секунду, и в наступившей неожиданно тишине что-то пронзительно зашипело, как будто поспел электрический чайник.

И вдруг земля дрогнула под ногами, звякнули стекла в окнах и где-то совсем рядом со страшным громом вырос огромный гриб черного дыма на огненной ноге, потом горячий ветер прошел по двору, взметая пыль на пути, хлопая дверьми и вышибая окна.

Где-то со звоном сыпались стекла, что-то кричали люди, и снова наперебой заговорили пушки и пулеметы.

У Шурочки никогда так глубоко не падало сердце. Она стояла одна посреди двора, широко раскрыв глаза, и смотрела на соседний дом, туда, где разгоралось красное пламя пожара. Ей стало страшно. Так страшно ей еще никогда не было.

Она стояла одна посреди двора и хотела бежать, но не могла сдвинуться с места. А с неба, сверху, падали осколки и стучали по крышам, как железный град.

Вдруг, точно пастух кнутом, что-то хлопнуло у нее за спиной. Она обернулась, и в ту же секунду яркий голубой свет залил весь двор, осветил лица людей, жавшихся к стенам, пустые пролеты окон шестиэтажного корпуса и белую штукатурку деревянного флигеля. А на крыльце флигеля огненной лужицей растекалось ярчайшее голубое пламя, и вокруг него поднимались огненные языки, но они казались темными в этом ярком голубом свете.

— Помогите! Пожар, пожар! — крикнула Шурочка и бросилась к подъезду, где лежали мешки с песком. Она вцепилась в самый большой мешок и поволокла его к своему флигелю. Тут новый глухой взрыв встряхнул двор и дома, и опять зазвенели стекла.

Шурочка очень испугалась и рассердилась и изо всей силы дернула тяжелый мешок. Уже совсем недалеко было до крылечка. Но тут мешок зацепился за гвоздь и стал сразу очень легким: песок рассыпался.

Тогда Шурочке захотелось плакать, потому что мама дежурит и она совсем одна, а мешок лопнул и пламя разгорается на крыльце и сейчас займется весь флигель.

Чтобы не заплакать, она закусил губу и упрямо нагнула голову вниз — она всегда делала так, когда не хотела плакать, а плакать хотелось. А когда она взглянула вниз, она увидела груды песка, а нести его было не в чем.

Тогда она сдернула юбку, расстелила на земле, пригоршнями набросала на нее песку, взбежала на крыльцо и высыпала песок прямо на бомбу. Пламя затрещало и брызнуло в стороны.

Тут кто-то закричал:

— Шурочка! Шурочка! Назад!

На крыльцо набежало много народу, огонь погас, и сразу стало темно.

Тогда Шурочке показалось, что у нее горит рука. Потом ее повели в штаб, там было светло, и она увидела на руке

красные пятна и прозрачные пузыри, и ей стало очень больно и очень страшно, очень стыдно, потому что она была без юбки, в одних белых штанишках с кружевцами. Потом кто-то принес ей юбку, но она вся была в дырках, с черными краями, и Шурочка горько-горько заплакала. А потом Шурочку уложили на койку, и у нее поднялась температура, а после ее вынесли из штаба и уложили в „ЗИС“ с красным крестом.

„ЗИС“ понесся по улицам, завывая на перекрестках, наперерез промчались пожарные, и шофер затормозил так, что колеса завизжали, а Шурочка выглянула в окно и увидела остатки какого-то горящего дома, которые еще дымились.

А вечером к ней в больницу пришла мама и обещала сшить ей новую юбку и теперь, наверное, сшила уже. А потом рука у Шурочки зажила, и она уехала из Москвы. Но она скоро вернется, вернется как настоящая хозяйка в свой маленький домик.

Л. Некрасова

СВИТКА

Где-то далеко бухали пушки. Яркие, как зарницы, вспышки артиллерийского огня озаряли небо. По реке плыла лодка, и второй месяц качался на темной воде. Тихо, бесшумно погружались весла в воду, и только чуть поскрипывали уключины.

На лодке было двое. Высокий гребец ловко работал веслами, а еще кто-то, маленький, сидел комочком на самом носу.

— Не греби, не греби, товарищ командир! — зашептал маленький на носу. — Берег!

Лодка, шурша, уткнулась носом в песок. Маленький прыгнул на землю и подтащил лодку. Гребец встал и, держась руками за край лодки, медленно перенес через борт сначала одну ногу, потом другую...

— Эх,— чуть слышно простонал он,— болит нога, еще болит!

Он стоял на песке, опираясь на плечо маленького.

— Ну, друг,— сказал он,— спасибо тебе. Спасибо тебе красноармейское!—И он погладил растрепанную голову.

— Товарищ командир!— быстро зашептал мальчик.— Вот тропка. Вот она, на ней стоим! Все по ней, по ней идите. Лес пройдете, потом мостик будет через ручей. Потом через пшеницу по меже... Будет село. Там и наши. Тут вам близенько! А если бы шли по дороге... ну, там бы до завтрашнего вечера не дойти.

Высокий протянул мальчику руку, но тот не сразу подал ему свою. Очень уж длинные рукава были у его свитки.

Он запутался в них, стараясь вытащить руку. Высокий засмеялся, пожимая тонкую ручонку.

— Что это свитка у тебя такая большая? Вырасти думаешь?

— Отца свитка,— ответил ему серьезный, грустный голос.— Отец на фронте воюет. Я его свитку ношу.

Командир посмотрел на мальчика.

Босые ноги почти до пяток были закрыты длинной свиткой. Только вихрастая голова торчала из широкого ворота.

В лучах месяца на груди командира что-то сверкнуло.

— Ясная какая!— как будто с завистью сказал мальчик.— Горит как, звезда-то ваша!

И вдруг он торопливо задвигал руками, зашевелил плечами и вылез из своей свитки.

— На, товарищ командир, надевай!—И он протянул свою свитку.

— Что ты, что ты!— замахал руками высокий.— Не нужно!

— Нет, нужно!—уверенно сказал мальчик.—А вдруг кого-нибудь встретишь? Кого-нибудь ихнего...—И он мотнул головой в ту сторону, откуда они приехали.—Одежу красноармейскую увидят. Звезда ваша вон как горит!

— А как же ты? Как же я тебе верну?—беспокоился командир.

— А вот вы обратно в наше село придете, немца прогоните, тогда спросите Тишка... Ну да я и сам к вам приду!

Командир взял свитку и надел ее. Ему она была впору.

— Ну, друг Тишко, спасибо тебе еще раз!—И он крепко пожал обе руки Тишка.

Тишко помахал рукой вслед высокому, который, прихрамывая, шел по дорожке, постоял еще, прислушиваясь к неровным, затихающим шагам. Потом отпихнул от берега лодку, вскарабкался на нос, перелез через скамеечку, сел посредине и зашлепал веслами.

Большая лодка, переваливаясь, точно утка, заковыляла к другому берегу. Старые корявые ивы будто присели на корточки над водой и опустили, как руки, длинные свои ветки в воду. На берегу под ивами Тишка ждала мать.

— Ой, Тишко!—часто задышала она, прижав руки к груди.—По всему селу его ищут, все клуни перерыли, сено пораскидали, скотину из дворов повыгоняли...

— Ладно!—строго сказал Тишко.—Теперь пускай ищут. Не найдут!

— А еще велели всю одежду, какая есть теплая, всю одежду отдать, — шептала мать, едва поспевая за Тишком.—Во всех дворах, у всех баб мужнины свитки позабирали, а у нас только чуйки да рубашки... „Где,—говорят,—одежа? Спрятала?“ А я говорю: „Нет у меня ничего“. А они свое: „Врешь! Давай одежду!“ Еле убежала я. Хорошо, Тишко, что ты ее спрятал.

Тишко шел молча и поеживался от холода. Роса мочила его ноги. „Вот,—думал он,—командир сейчас уже, наверно, идет мимо старого дуба. Еще немножко — и будет мостик. А свитка... Хорошо, что свитка у командира“.

— Не плачьте, мама! — сказал Тишко.

И вдруг какая-то большая фигура вынырнула из кустов. Железная рука впиалась в Тишкино плечо. Злобный голос закричал что-то на непонятном языке. И мать забилась, заплакала, придавленная второй страшной рукой. Солдат привел Тишка и его мать в хату, где еще вчера был сельсовет. В одном углу столпились крестьяне, в другом углу было свалено награбленное немцами добро. У стола, с которого была сорвана красная материя, сидели офицеры. Солдат толкнул Тишка и его мать в угол, к другим крестьянам, и что-то сказал своему начальству. Офицер пальцем поманил к себе Тишка. Тишко подошел к столу.

— Ты где был? — прищурившись, спросил офицер.

— Рыбу ловил! — сказал Тишко, подумал минутку и сунул руку в карман.

Офицеры насторожились. Тишко достал из кармана железную коробочку, открыл ее и вытряхнул из нее на стол большой клубок грязных дождевых червяков. Утром, до прихода немцев, он ловил рыбу, чтобы угостить раненого командира ухой. Накопал червяков, а теперь вот вспомнил.

— Рыбу ловил. Червяки — вот они. Удочки на берегу оставил.

Офицер не мог понять хорошенько, что говорит Тишко, но переводил другим его слова. Черви копошились на столе. Офицер, брезгливо скривившись, сбросил червяков на пол и спросил:

— А на берегу ты не видал красноармейца?

— У-у-у... много видал! На том берегу!

Офицер обозлился и хлопнул рукой по столу.

— Пошел вон, дурак! — крикнул он.

Тишко отошел к матери. Крестьяне перешептывались.

— Одежду сдавайте! Чтобы все сдали! — обратился офицер к крестьянам.

— Всё забрали уже. Нет ничего больше! — вскрикнула одна женщина и заплакала.

Офицер что-то приказал солдатам, и они, подталкивая крестьян штыками и прикладами, погнали всех в большую колхозную клуню.

Усталые, измученные, кое-как уместившись на остатках соломы, все понемногу заснули тяжелым, тревожным сном.

Разбудил их выстрел. Сначала один. Потом грохнули еще, уже ближе... Раздался металлический лязг. Загудели автомобили. Тишко влез под крышу и сквозь щели посмотрел на улицу.

— Горит!—кричал он.

Бабы заплакали. Потом вскочили, нажали на дверь, дверь не выдержала и распахнулась. Все вырвались на улицу. Страшную картину увидели они. Несколько хат уже горело. Дымились плетни около них. Сквозь соломенные крыши огонь высовывал длинные языки. Немцы, пригнувшись, бежали к автомобилям. Вдруг несколько немцев обернулись и стали стрелять в людей, выбежавших из клуни. Со странным криком приседали, как-то неудобно ложились люди... С остановившимися глазами упала, раскинув руки, бабушка Анисья. Маленькая Маруся хотела перелезть через плетень и повисла на нем вниз головой. Тишко бросился бежать за клуню, но что-то ударило его в спину, он упал и не видал ничего больше. Открыл он глаза потому, что прямо ему на лицо капал частый дождь. Но дождь был теплый-теплый... Он открыл глаза и увидел над собой широко раскрытые глаза матери.

— Тишко!—вскрикнула она.—Глядит! Жив!—И она уткнулась лицом в траву.

Тишко пошевелил рукой. Прохладные травинки проскользнули между его пальцами. Тишко задрожал. Ему стало холодно.

— Мама, не плачьте! Не плачьте!—сказал Тишко.

— Да я не плачу. Наши пришли. Красные армейцы пришли.

Громкий голос раздался где-то совсем близко:

— А где тут у вас Тишко?

— Вот он, раненный лежит,—сказала мать и встала, вытирая глаза.

Высокий командир быстро опустился на колени около Тишка. Ясная звезда блестела у него на груди.

— Тишко, друг! Как же ты так?

Тишко поднял голову.

— Товарищ командир! Пришли уже!—И Тишко улыбнулся.

— Давай-ка, друг, я тебя домой снесу, в хату к тебе!

Но у Тишка не было хаты. Догорали головешки вокруг торчащей из кучи пепла трубы. Вот и все, что осталось от хаты. Командир бережно поднял Тишка и вслед за матерью вошел в садик. Под кустом смородины на мягкую траву положил он Тишка.

— Что ты, друг, дрожишь?—склонился командир над Тиш-ком.—Холодно тебе? Сейчас санитары придут. Сейчас тебе перевязку сделают. Закрыть бы тебя... Да, ведь я тебе твою свитку принес! Вот она, твоя свитка.

Мать с удивлением смотрела на знакомую свитку. Она узнала ее... узнала заплатку на плече, заплатку своей работы.

Отцовская большая теплая свитка закрывала Тишка от плеч до самых пяток.

Е. Ровинская

ПОЖАРНИКИ

Тревога... Ночь... Сирены вой...

Пожарник, на чердак!

Смотри, высоко над Москвой

В лучах распластан враг;

И бомбы сыплются на дом...
Ребята, все на бой с огнем!
Есть рукавицы у бойцов,
Лопаты и песок...
Глуши змеиное яйцо,
Чтоб взвиться змей не смог!..
Ребята, в дни такой войны
Вы все — защитники страны!

В. Осеева

АНДРЕЙКА

Жизнь у Андрейки была простая, веселая. С утра убежал он с соседскими ребятами на речку, купался и валялся в горячем песке на берегу и только тогда возвращался домой, когда издалека, с зеленого пригорка, раздавался звучный голос старшего брата Антона:

— Ау! Андрейка!

Встряхивая мокрой головой и высоко подкидывая крепкие загорелые ноги, Андрейка, как веселый жеребенок мчался на зов. Он радовался, что мать и брат уже дома, что на столе стоит миска горячего супа, что половина солнечного дня прошла и скоро наступят теплые летние сумерки. Мать сядет на крылечко, Андрейка примостится сбоку, а Антон приляжет на траву и будет рассказывать о своих товарищах, о работе, о новых заводских машинах, в которых Андрейку интересовали только большие и маленькие колеса. Мать заслушается Антона, заглядится на него...

В это воскресенье Антон с утра взялся за починку забора. Он наскоро соорудил станок, принес из сарая целую охапку штахет и начал их обстругивать. Андрейка стоял

и смотрел, как из-под рубанка желтыми завитушками падают на траву стружки и доска делается гладкой, новой, светлой.

„Эка ему все удастся!“ думал Андрейка, с завистью поглядывая на брата.

А брат, посивистывая и переговариваясь с матерью, ловко перебрасывал с руки на руку дощечку, крепко упирал ее одним концом в станок и легко проводил по ней рубанком, отбрасывая стружки. Иногда его рубанок вдруг сворачивал с доски в ту сторону, где стоял Андрейка.

— Давай коленки почищу, — шутил Антон, — беленькие будут, чистенькие.

Андрейка прикрывал руками закорузлые коленки.

— В речке обмоются! — кричал он.

— Воды нехватит, — поддразнивал его Антон, принимаясь опять за работу.

Один раз он дал братишке рубанок. Андрейка покраснел от удовольствия и, чтобы не осрамиться перед братом, изю всех своих силенок врезал рубанок в доску.

— Заехал сгоряча, — спокойно сказал Антон. — Полегонечку надо, это не дрова рубить.

Андрейка попробовал еще. Стружка у него завилась тоненькая, как мышинный хвостик.

— Не могу, — сказал он со вздохом.

— Пробуй, пробуй! — закричал Антон. — „Не могу“ — такого слова нет, такого слова даже грудной ребенок не скажет.

— А какое слово грудной ребенок скажет? — выглянув из окна с полотенцем в руке, спросила мать.

Андрейка хмыкнул от удовольствия и лукаво посмотрел на брата.

— Какое слово? — переспросил Антон, поглаживая рукой доску. — Очень простое: „Агу. Вырасту — смогу“.

— Врешь ты все!

Мать засмеялась. Вдруг калитка громко хлопнула.

По дорожке бежали товарищи Антона Сергей и Борис.

За ними, прихрамывая, торопился сын соседа Алексей. Все трое размахивали руками, кричали:

— Включи радио, Антон! Речь Молотова сейчас будет.

Антон бросил на станок рубанок и побежал на террасу. Мать поспешно вытерла об передник мокрые руки, поправила платок и присела на кончик стула. Андрейка первый вскарабкался на табуретку и включил радио.

— Граждане и гражданки Советского Союза... — послышался после паузы голос.

Андрейка затаил дыхание и переводил глаза с брата на мать, с матери на товарищей Антона. Все слушали молча, не шевелясь. Но на всех лицах Андрейка вдруг увидел какое-то одинаковое суровое, незнакомое ему выражение. Антон стоял выпрямившись, как будто принимал боевой приказ от самого Молотова. Лицо Антона стало твердым, темным, строгим. Андрейка не решился дотронуться рукой до плотно сжатой в кулак руки брата. Он прижался боком к матери, но она его не замечала.

Через два дня Антон уехал. Вечером перед отъездом он долго сидел с матерью на крылечке. Андрейка боком жался к нему. Брат тихонько гладил колючий ежик Андрейкиных волос и говорил:

— Было у матери два сына. Один с врагами дрался, а другой дома работал...

— Андрейка? — спрашивал братишка.

— Он, — серьезно отвечал Антон. — Бывало ляжет спать пораньше, наберется за ночь сил, подрастет маленько, а утром вскочит, щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

Не шутил Антон. Не было в его глазах обычной смешинки. И у матери лицо было спокойное, строгое. И Андрейка тихонько загнул четыре пальца и пересчитал:

— Щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

- И всякие дела за Антона справит, — досказал брат. Андрейка загнул пятый палец.
- Справлю, — деловито сказал он.

И правда, на другой день Андрейка поднялся рано. В кухне стояли пустые ведра. Пока мать придет с ночной смены, нужно все дела переделать. Как бывало Антон. У того все быстро. Он большие ведра с водой сразу по два приносил. Андрейке так не осилить: он берет в кухне большой чайник. Можно три раза сходить. И Андрейка ходит. Он несет чайник в оттопыренной руке, чтоб вода не проливалась на голые коленки; потом перекладывает его в другую руку, потом тащит обеими руками, крепко прижимая к животу. Живот у него весь мокрый, трусики прилипли к телу. Но ведра наполняются. Андрейка идет в сарай. Посвистывая, как Антон, он размахивает маленьким топориком. Сухие щепки колются легко. Андрейка собирает их в кучу и задумывается. Потом, загнув два пальца на руке, вспоминает: в лавку за хлебом надо сходить.

На заборе, свесившись вниз головами, ребята давно кричат Андрейке:

- Пошли на речку! Купаться!
- Не, — мотает головой Андрейка, — я после...
- Да пойдем, вода теплая, горячая...
- Пойдем, пойдем! — передразнивает их Андрейка. — Вам бы только бегать бестолку! Антон в Красной армии — кто матери помогать будет?
- А у меня отец пошел, одна бабка дома, — озабоченно говорит Генька.

Он потихоньку отходит от забора и кричит Андрейке:

- Слышь! Не уходи без меня! Я сейчас!

Ребята давно ушли. Андрейка сидит на крылечке и ждет товарища.

„Видно, дело нашлось, — думает он. — Бабка у них старая, еще старше нашей матери“.

Но стриженная голова Геньки уже торчит на заборе.

— Пошли!

Они пошли вдоль Андрейкиного забора, и вдруг Андрейка остановился, — он увидел большую дыру в заборе. Это Антон не успел прибить новые штахеты. Они лежат на траве чисто выструганные. И гвозди в коробке от консервов стоят под станком...

Сразу видно, что в доме нет мужчины.

— Кто же вам теперь забьет-то? — озабоченно спрашивает Генька.

Андрейка молча перелезает через забор и бежит в дом. Генька со вздохом присаживается на траву. Андрейка возвращается с молотком и поднимает с земли тонкую дощечку.

— Держи, чтоб ровно было! Можешь? — спрашивает он товарища.

— Могу! — деловито говорит Генька, примеривая доску.

Андрейка вскидывает головой и, совсем как Антон, щурит синие глаза.

— Грудной ребенок тоже говорит: „Агу...“

Но он не помнит, что сказал о грудных детях Антон, и потому сразу переходит к делу:

— Держи, а я буду гвозди вбивать.

Генька долго прилаживает доску.

Гвозди выскакивают из рук Андрейки, молоток часто бьет невпопад. Но Генька терпеливо ждет, изо всех сил налегая на доску.

— Эх, вода хорошая сейчас! Слышь, ребята плещутся! — говорит он, поглядывая на солнце.

— Выкупаться успеем, — отвечает Андрейка. — А вот если у матери два сына и один воюет, так другой дома работай!

Под вечер Андрейка стоит на зеленом пригорке. Мокрые волосы его блестят. Прикрыв ладонью глаза, он смотрит на дорогу и, завидев мать, окликает ее:

— Ау! Мама!

И кажется Андрейке, что голос у него стал совсем как у Антона, и сам он такой же сильный, высокий и крепкий, как старший брат.

ОДНА НОЧЬ

У деда в лесной сторожке было, как всегда, тихо. Днем на поляне припекало солнце, гудели над ульями пчелы и, когда пробегал ветер, сердито шуршал осинник. И только где-то за лесом, словно дальний гром, ухали глухие раскаты. Ночью они были слышнее, будто ближе. Спросонья вскрикивали в листе птицы, из куста выскакивал заяц и сигал через поляну. В последние дни появилось много зверья вокруг сторожки. Векши стрекотали и прыгали к самому порогу. А вчера на рассвете Сашка увидел из окошка волка.

— Хоронятся, — говорил дед. — Зверь, он лучше человека понимает: разве ж сюда немец пройдет? Да он вперед три раза в болоте утопнет.

Сашка и сам знал, что немцу сюда не пройти. Но по ночам не спал. Лезли в голову самые противные мысли, вроде того что там ребята в колхозе про него думают: „Схоронился, как зверь. Испугался“. А ничего он не испугался. Пришел, как всегда, деда проведать — и все тут. Но мысли не давали покоя. Так и вставал перед глазами родной колхоз, ракиты над прудом, новая конюшня, тихая темная улица, а в самом конце, у конопляников, родная хата со скворечней на самом коньке. Что-то там теперь? Сашка ворочался, вставал, громко пил воду. Слышал, что и дед не спит, вздыхает, пыхтит трубкой. „Бойтся, как бы не ушел. Не пустит“, с досадой думал Сашка.

Дождавшись, когда дед притих, Сашка прокрался к двери. Дед заворочался.

— Идешь? Ну иди, иди, — сказал он. — Хлеба возьми, а там, если что, пусть сюда идут. Здесь ввек не сыщут. Я тут кольев, дубья наготовил.

Страшно итти ночью лесом одному. Сашка и сам не знал, чего он боится — не зверя же? Ругал себя оболдуем, плевался, но то и дело косил глазом в сторону, где темными

громадами наступали деревья, раздавались шорохи и ночные крики. На болоте стало светлее и не так страшно. Болота тянулись длинными полосами, перемежаясь редким лесом. А там, за лесом, изредка ухали выстрелы и розовел, разгорался алый отсвет зарева.

Сашка почти бежал, перескакивая с кочки на кочку. Вода хлюпала под ногами, тина присохла на штанах твердой коркой, комары звенели и липли к потной шее, но Сашка ничего не замечал. Он продирался напрямик, через кусты, оставляя на колючках клочья рубахи. На опушке Сашка остановился. Над селом, то взлетая высоко в небо, то оседая, полыхало пламя. И вода на пруду будто разгоралась и вспыхивала изнутри. Только через минуту, когда сердце чуть примолкло, Сашка сквозь рев и треск пламени расслышал голос и разглядел, что горит один край села, новая конюшня и хаты подле пруда. Он побежал в обход лугом, с той стороны, где с низины к избам поднимаются ровные полоски огородов. По борозде, в высокой ботве картошки, он добрался до плетня и замер, прижавшись к земле. Он услышал, как скрипели ворота, кричала женщина. Через мгновение из ворот, как шальная, выскочила рыжая телушка и за ней, ударяя ее прикладом, выбежал долговязый солдат. „Вот он какой, фашист!“ с удивлением подумал Сашка. Он представлял себе фашистов в танках, в броне, с крепостями. А этот бежал за чужой телушкой.

По улице с отчаянным ревом и блеянием, наскакивая друг на друга, мчались овцы, козы, коровы. Солдаты прикладами загоняли их на скотный двор. Наконец улица опустела, и Сашка увидел танки. Они стояли вдоль улицы один за другим, как черные боровы, опустив тупые рыла. Тонкие дула пулеметов щетинились у них на макушках. Пулеметы были направлены на дом правления колхоза. Там, на крыльце, выставив ногу вперед, стоял высокий человек в серой военной форме, с черной каской на голове. Перед ним у крыльца, опустив головы, жались друг к дружке несколько женщин.

— Русские бабы, — вдруг очень резко выкрикнул офи-

цер, — мы вам ничего не будем делать! За коровы и овцы вы будете получать расписку.

Он помолчал, выжидая, что скажут женщины. Они не шевелились.

— Хорошо! Теперь вы будете выполнять мой приказ! — снова закричал офицер, так же четко и старательно выговаривая русские слова. — Каждый обязан принести керосин. Горючее для танк. Понятно? Кто не хочет приносить, будет расстрел. — И он указал на дула пулеметов позади женщин. — Все. Я даю пять минут. Живо! Марш!

Женщины постояли еще мгновение и понуро стали расходиться по хатам. От танков отделились темные фигуры солдат и пошли вслед за женщинами.

Двое солдат взломали дверь лавки и тащили к танкам какие-то мешки. Офицер крикнул им что-то по-немецки. Они бросили мешки и выкатили бочку из-под керосина. Она была пуста. Офицер выругался и посмотрел на часы. Наверно, уже прошло пять минут, потому что он вытащил револьвер и выстрелил в воздух. И тотчас же из хат выбежали солдаты. Они толкали женщин прикладами винтовок в спину и громко ругались. У одного из них на пальце болталась привязанная веревочкой полулитровая бутылка. Он поставил ее на крыльцо у ног офицера, вытянулся и отдал честь. Женщин снова выстроили перед крыльцом. Дула пулеметов шевельнулись.

— Ты дашь керосин, русский свинья? — закричал офицер, наступая на женщин. — Ты дашь? — И он стал наотмашь бить револьвером по лицам, по головам.

Женщины молча пятились. Вдруг впереди них оказалась высокая растрепанная женщина. Она ткнула сильным кулаком офицеру в лицо и закричала:

— Не наготовили тебе керосина, ирод! Могилу мы тебе приготовили!

Только теперь Сашка узнал мать. Так кулаком она била в зубы норовистого коня Кузьку.

— Мамка! — отчаянно закричал Сашка, но голоса его не было слышно.

Все произошло в одно мгновение. Офицер отскочил в сторону и спрятался за угол дома. Частой очередью гремели пулеметы, и женщины, пробежав несколько шагов, тыкались лицом в землю. У самого крыльца, раскинув руки, лежала Сашкина мать. А пулеметы все тарахтели, и пули шуршали в ботве вокруг Сашки.

Потом стрельба прекратилась. Офицер вышел из-за угла и закурил. Двое солдат снова потащили к танкам мешки из лавки; остальные ходили по хатам, выносили оттуда расшитые полотенца, кованые сундучки и, сбив камнем замки, вытряхивали на землю целые вороха женских платьев и лент.

По приказанию офицера, двое солдат вытащили из танка большой моток телефонного провода и пошли на зады, туда, где, втиснувшись всем телом в борозду, едва дыша, лежал Сашка.

Захлопали моторы, и танки, тяжело перекатываясь и грохоча, двинулись вдоль улицы на дорогу.

„Неужто уйдут?“ в ужасе подумал Сашка. Он еще сам не знал, что ему делать, но всем сердцем чувствовал, что должен отомстить. Пошевелинуться он не смел—совсем рядом копошились два солдата, протягивая через плетни длинный телефонный провод. Когда они отошли так, что их не стало видно, Сашка вытащил из кармана подарок матери—стальной перочинный ножик—и осторожно перерезал провод. Затем он закрепил оба конца, обмотав их вокруг ботвы.

— Поговори теперь, — шептал он, продвигаясь на локте вдоль провода.

Провод вел в густой высокий конопляник за селом. Там стояли танки, вокруг них сустились солдаты, вполголоса переговариваясь между собой. Офицер, опустившись на одно колено, что-то кричал в телефонную трубку. Затем бросил ее на землю и яростно плюнул. Некоторое время он стоял, засунув руки в карманы, потом вытащил флягу и, запрокинув голову, долго и жадно пил. Солдаты ждали, отвернувшись. Офицер хрипло крикнул на них, и вдруг Сашка уви-

дел, что они вытащили из танков лопаты и стали рыть землю посреди конопляного поля. Сашка подполз ближе. Сквозь высокие стебли конопли он ясно видел: солдаты рыли яму.

Когда яма была вырыта, один из танков осторожно вполз в нее, и солдаты засыпали его землей. Снаружи осталась только башня с торчащими дулами пулеметов и орудия.

Офицер открыл люк и забрался в зарытый танк. Сопя и шопотом ругаясь, солдаты принялись рыть вторую яму. Они не дорыли ее и до половины. Один из них закурил, за ним остальные. Потом они уселись на края ямы. Откуда-то появилась водка, круг колбасы и большой домашний хлеб. Солдаты с жадностью ели, пили водку и глухо переговаривались между собой. Потом один из них, пошатываясь, встал, взял ружье на плечо и прислонился к танку. Остальные улеглись вокруг ямы. Стало совсем тихо. Внизу на лугах прокричал кулик.

„Теперь можно“, подумал Сашка. Неслышно он пополз прочь от танков. Только едва приметно шевелились поверху метелки конопли.

Конопляник кончался у обрыва: внизу темнела река. Сашка вылез на песчаный крутой берег и огляделся. Пожар догорал. Небо еще не светлело. Позади стеной стояла конопля. В ней притаились танки. Вокруг по дорогам, наверно, бродят немцы. Куда идти? Где искать Красную армию? Сашка не знал. Вдруг он вспомнил, что дула орудия и пулеметов на зарытом танке фашисты повернули к реке. Значит, оттуда они ждали нападения. В одно мгновение он съехал по песку вниз и вошел в воду. Теплая, как парная, она ласково приняла его. Черная тень от леса с того берега накрыла и спрятала его. Сашка плыл, беззвучно шевеля руками, не выдавая себя ни единым звуком. Он добрался до берега в том месте, где всегда ставил перемет, ухватился за ветки и, едва плеснув ногами, юркнул в заросли, в темноту.

„Ну, теперь ищи-свищи“, радостно подумал он, отжимая штаны. Но в этот момент что-то сверху бесшумно

навалилось на него и придавило к земле. Он яростно отбивался, но его держали цепкие руки. „Двое навалились“, сообразил он. Его повели, держа за руки и за плечи. Он шел, чуть не плача, молчал и упрямо твердил про себя: „Все равно убегу. Вот увидите, все равно убегу“.

Его вели в самую чащу, туда, где залегал овраг. Впереди затрещали кусты, кто-то темный поднялся навстречу.

— Дядя Антон! А, дядя Антон, это ты? — радостно закричал знакомый голос у Сашки над ухом. — Поймали кого-то. Честное слово, поймали! Вот он.

— Отбивался, леший, чуть не убег, — солидно добавил второй провожатый и еще крепче сжал Сашкино плечо.

— Да это ж я! — задохнулся от радости Сашка. — Ребята, это ж я! Ох, чтоб вам, а я думал вы немцы!

Вспыхнула спичка, и Сашка увидел отца, его светлую бородку, обрадованные серые глаза. За ним мелькнули знакомые фигуры односельчан, поднятые оглобли, лошадиные спины.

— Кричи тише, — мягко сказал отец и взял Сашку за руку. — Откуда ты взялся?

— Оттуда, — тихо ответил Сашка и почувствовал, что вокруг него сгрудилось много народу, все тяжело дышат и ждут, что он скажет.

Сашка молчал. Все, что он видел в эту ночь, вдруг пронеслось перед его глазами.

— Ну как там? Наши-то живы? — тихо спросил кто-то из темноты.

Сашка не ответил. Не своим, сдавленным голосом он сказал:

— Танки там. Они танки в коноплянике схоронили. Один уже в яму зарыли. Горючего у них нет. Они у баб керосину требовали... — И он осекся.

— Так. Все понятно, — медленно произнес отец. — Танки, говоришь, схоронили? — И он стал подробно расспрашивать, где и как спрятали немцы танки.

Светлая полоса легла на востоке. Немецкий часовой сидел на земле у танка, голова его свесилась на грудь, винтовка лежала на коленях. Короткие вспышки от далекого боя освещали вереницу танков, спрятанных в конопле. Людей нельзя было разглядеть. Слышно было только, как они бормотали и ворочались во сне.

Три раза свистнул коростель, и вдруг сотня темных снарядов взлетела над коноплей. Зазвенело стекло, и белое яркое пламя взметнулось кверху. Немцы вскочили, объятые пламенем. Обезумев со сна, они кричали, натыкались друг на друга, беспорядочно стреляли. Кругом травяной стеной стояла конопля. Солдаты бросились в ее зеленую гущу. Но враг был невидим, откуда-то сбоку, сзади на них обрушивались тяжелые удары дубин и прикладов, они падали, поджигая горящей одеждой толстые стебли конопли.

Несколько фашистов бросилось к танкам, но машины не успели двинуться с места. Одна за другой летели в них бутылки с горючим, взрывались гранаты, и огонь охватывал танки. Только пулемет зарытого в землю танка безостановочно строчил по конопле.

Вскоре поле поыхало от края до края. Колхозники толпой стояли на дороге и смотрели на огонь. Пулемет замолк. На дорогу выскочил высокий немец, объятый пламенем. Он бежал, как слепой, и кричал диким голосом. Потом упал лицом вниз и затих.

Огонь подбирался к хатам, но никто и не думал тушить пожар. Колхозники шли по улице, останавливаясь всей толпой возле каждой убитой женщины. Бережно поднимали ее, клали на телегу и шли дальше. Сашка увидел мать. Она лежала на телеге, прямая и строгая, с суровым лицом. Он шел рядом, не замечая ничего вокруг.

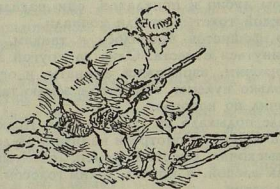
Из подпольев, из погребов вылезли старухи с детьми на руках. Они открыли скотный двор и выгнали стадо. Длинное шествие в скрипе колес, гомоне людских голосов и крике животных двигалось мимо обгорелых столбов конюшни, мимо

обугленных ветел, к лесу, к болотам. У леса все остановились. Молча смотрели на то, что осталось от родного, насиженного места. Огонь охватил почти все хаты. Густой дым расстился по светлому небу. И в этом дыму подымалось багрово-красное маленькое солнце.

— Хватит, поглядели. Не забудем! — негромко сказал Сашкин отец, но все его слышали.

Он взял под уздцы коня и вошел в лес.

— А ну, — крикнул он Сашке, — показывай дорогу к деду! Он, говоришь, колья для немцев наготовил? Что ж, пустим в ход и дедовы колья.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Осеева. Пионерам	3
Ванда Василевская. Мальчик	4
А. Барто. Родная улица	8
С. Гарбузов. Разведчики	10
Н. Раковская. Ущелье Хорвата	16
В. Донникова. „Товарищ Сталин говорил со всеми нами...“	21
А. Некрасов. Шурочка	21
Л. Некрасова. Свитка	27
Е. Ровинская. Пожарники	32
В. Осеева. Андрейка	33
А. Гольдберг. Одна ночь	39

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор Л. Ком.
Подписано к печати 28/II 1942 г.
3 $\frac{1}{4}$ печ. л. (2,25 уч.-изд. л.). 32 576 зн.
в печ. л. Тираж 25 000 экз.
ФЕ448. Цена 1 р. 40 к. Заказ № 286.

Областная типо-литография.
Киров, пл. Ст. Халтурина, 40.

1957-88 г.

32718

Пров. 1969

Б 903

Будд. переписи

1949

1940г

С. 5-8 ИРБназская

кб Н. Шевчук

014977

1969

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ ЖИЗНИ
ДЕТМЗСА~~

32718

Пров. 1969

МЕНА 1 р. 40 к.

150 =